

Юрий Ларин

Дмитрий Смолев

Юрий Ларин

Живопись
предельных состояний

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 75.071.1Ларин Ю.Н.
ББК 85.143(2=411.2)6-8Ларин Ю.Н.
С51

Редактор серии *Г. Ельшевская*

Смолев, Д.

С51 Юрий Ларин. Живопись предельных состояний / Дмитрий Смолев. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 552 с.: ил. (Серия «Очерки визуальности»).

ISBN 978-5-4448-1876-3

«Живопись лучше политики», — любил повторять художник Юрий Ларин. Сын знаменитого революционера Николая Бухарина, казненного в 1938 году, он на собственном опыте испытал ужас тоталитаризма, поэтому одной из основных задач своей жизни он видел посмертную реабилитацию отца. Все же главным призыванием Юрия Николаевича оставалось изобразительное искусство — и именно в нем ему удалось оставить значительный след. Документальная биография, написанная Дмитрием Смолевым, объединяет в себе и исследование творчества Ларина, и обстоятельства современной ему художественной сцены, и семейную сагу. Живопись здесь не обособлена в отдельный, автономный мир, а вписана в широкий контекст эпохи, отголоски которой слышны и по сей день. Дмитрий Смолев — московский арт-критик, журналист, редактор.

УДК 75.071.1Ларин Ю.Н.
ББК 85.143(2=411.2)6-8Ларин Ю.Н.

© Д. Смолев, 2023

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Оглавление

От автора	6
Глава 1. Кругом сплошные командировки	8
Глава 2. Есть какая-то тайна	65
Глава 3. Края справедливости	126
Глава 4. Двух станов не боец	191
Глава 5. Всегда по четвергам	261
Глава 6. Утро настало, ничего страшного	337
Глава 7. «Я уже не боюсь ошибиться»	406
Глава 8. Тишина—это голос неслышного	469
Библиография	541
Благодарности	544
Указатель имен	545

От автора

Художник неизбежно отражает в работах свое время, даже если не ставит перед собой такой цели. Это избитая истина, и незачем было бы ее повторять, но есть одна методологическая проблема. Когда историческое время то взрывается переменами, то будто застывает в апатии, то гонит в будущее, то возвращает в прошлое — и все это на протяжении одной человеческой жизни, — тогда сам собой встает вопрос: что здесь для художника «свое»? Ответ совсем не очевиден. На долгом отрезке многое воспринимается иначе, нежели «в моменте».

Юрий Ларин, герой этой книги, за актуальностью никогда не гнался. Такова была его осознанная, намеренная позиция. Что отнюдь не означало стояния на месте или хождения по кругу. Живопись его с годами менялась и развивалась, причем в отдалении от любых шаблонов. Хотя Ларин, разумеется, знал о том, что не все шаблоны одинаково вредны для карьеры: бывают и полезные. Но перспективных трендов он не любил и соответствовать им не стремился. Поэтому для тех, кто привык воспринимать искусство в дежурной системе координат, этот художник почти «не виден». Зато он хорошо виден напрямую, при очной встрече с его холстами, акварелями, рисунками. Вернее, должен быть виден — от зрителя ведь тоже необходим шаг навстречу, или хотя бы полшага.

Отказ от злободневных тем и актуальных поветрий был во многом обусловлен, конечно, типом личности, но не в последнюю очередь — еще и обстоятельствами биографии. Сын «врага народа» Николая Бухарина, прошедший несколько лет в детском доме и долгое время после того

боровшийся за реабилитацию казненного отца, не мог не ощущать, что всякая актуальность — палка о двух концах. Возможны ли благие намерения, которые не обязательно ведут в ад? Для Ларина такой территорией стало изобразительное искусство — не безмятежно-идиллическое и не остросоциальное, а в существенной мере метафизическое.

Памяти отца он всегда оставался верен, но сам политическими играми не прельщался, особенно после того, как дождался официальной реабилитации Бухарина. Звание художника — обычного, не народного — казалось ему единственным, что по-настоящему заслуживало усилий с его стороны. А усилия пришлось прикладывать действительно немалые, и не только сугубо творческие. В судьбе Юрия Ларина хватало драматических поворотов, и даже если бы он не сумел стать значительным, абсолютно штучным живописцем, все равно история его жизни была бы интересна многим. Но он сумел. И эта книга — не просто документальный рассказ о человеке в уникальных «предложенных обстоятельствах», а прежде всего жизнеописание неординарного художника. Что имеет смысл учитывать, выискивая в его произведениях те или иные «отражения времени».

Глава 1

Кругом сплошные командировки

В том самом 1956 году, когда состоялся знаменитый XX съезд КПСС, но уже позже, летом, ссыльная поселенка Анна Ларина ждала встречи с сыном. Она не видела его с момента своего ареста (Юре тогда было чуть больше года отроду), а тот ее и вовсе не помнил и даже долгое время не знал о ее существовании. Сначала завязалась почтовая переписка, и вот Юрий все же решил приехать в поселок Тисуль Кемеровской области — на волне разоблачений культа личности подобные «визиты» становились все более допустимы. Встреча произошла на станции Тяжин, что в 40 километрах от Тисуля. Из воспоминаний Анны Михайловны:

Мы шли уже по платформе железнодорожной станции, когда издали я увидела приближающийся поезд. Я была настолько возбуждена, что почувствовала — вот-вот упаду. Боялась пропустить сына, не представляла себе, как он выглядит. И вдруг я почувствовала объятия и поцелуй. Узнать его можно было только по глазам: такие же лучистые, как в детстве... Как только он заговорил, у меня сердце защемило: тембр голоса, жестикуляция, выражение глаз — точно отцовские.

О том, кто его настоящий отец, 20-летний студент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института пока еще не ведал. В документах его значилось: Юрий Борисович Гусман. Под этим именем он воспитывался в Средне-Ахтубинском спецдетдоме — вместе с ровесниками, чьи

родители погибли в Сталинграде. Впрочем, Юра помнил, что его собственные отец и мать (так он полагал) Ида Григорьевна и Борис Израилевич в сталинградских боях не участвовали, а куда-то вдруг исчезли, «уехали в командировку», по словам строгих милиционеров, забравших мальчика из пустой квартиры. И вот выясняется, что родила его совсем другая женщина. Но кто же тогда отец?

Анна Михайловна потом описывала в автобиографической книге «Незабываемое», что заранее боялась этого вопроса и не знала, с чего начать. На всякий случай подготовила газетные вырезки с сенсационными материалами недавнего партийного съезда и заодно припасла ленинскую брошюру с упоминанием «любимца всей партии». Однако хватило лишь небольшого вступления, чтобы Юра сам догадался, о ком речь.

Предполагаю, что мой отец—Бухарин. Я в изумлении посмотрела на сына.—Если ты знал, то зачем меня спрашиваешь?—Нет, я не знал, я честно говорю, не знал.—Как же ты мог догадаться?—Я действовал методом исключения. Ты мне сказала, что мой дед Иван Гаврилович, что мой отец был видным политическим деятелем. И я стал думать, кто из видных политических деятелей «Иванович», и пришел к выводу, что это Бухарин Николай Иванович.

В дальнейших разговорах они обоюдно и шаг за шагом восстанавливали утраченные фрагменты семейной истории—каждый со своей стороны. Как вспоминает сводная сестра Юрия, Надежда Фадеева, «месяца полтора он у нас пробыл точно—на каникулах». Наде тогда еще не исполнилось десяти лет, ее младшему брату Мише было шесть. Новая семья у Анны Лариной появилась во время ее пребывания в неволе: она вышла замуж за Федора Дмитриевича Фадеева, тоже недавнего заключенного. Это

вызывало в ней дополнительное беспокойство перед свиданием с сыном: «Найдем ли мы общий язык? Сможет ли он понять меня? Не упрекнет ли за то, что у меня есть еще дети, не расценит ли это как измену ему?» Однако страхи оказались напрасными: Юра не проявлял ни ревности, ни неприязни в отношении обретенных родственников.

Через несколько лет после поездки в Тисуль он внесет официальные изменения в свои паспортные данные и возьмет фамилию Ларин. Вернуть себе отцовскую фамилию он, вероятно, и хотел бы, но предприятие такого рода представлялось рискованным даже и в пору оттепели: посмертная реабилитация Николая Бухарина произошла лишь в 1988 году. После того его сын сменил и отчество, став Юрием Николаевичем. Впрочем, в семейном архиве хранится свидетельство о рождении «Бухарина Юрия Николаевича» со штампом «повторное» — оно было выдано Ленинским отделом ЗАГС города Москвы 20 августа 1957-го. В этом документе продублированы сведения из метрики 1936 года: отец — Бухарин Николай Иванович, мать — Бухарина-Ларина Анна Михайловна. И дата появления ребенка на свет здесь указана верная — 8 мая (путаница с днями рождения была одной из его детских травм). Мы не знаем обстоятельств, при которых 21-летнему Юре удалось заполучить столь «крамольную» бумагу. Едва ли это было легко, особенно учитывая, что юноша обитал тогда в Новочеркасске, в студенческом общежитии, и лишних средств для поездок в Москву и обратно наверняка не имел. Нельзя исключить, что дубликат свидетельства был раздобыт в результате почтового запроса. Так или иначе, встреча с матерью и получение от нее подлинной информации о своем происхождении привели нашего героя не только к эмоциональному потрясению — этот эпизод можно считать поворотным моментом в его биографии, пусть даже перемены в сознании случились не сразу.